

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ В ПОМАКСКОМ ДИАЛЕКТНОМ НАРРАТИВЕ О СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ¹

Анализ речи родопских болгароговорящих мусульман о традиционном свадебном обряде позволяет выявить характерные семантические и морфологические парадигмы, сохранность персонажного кода и тенденцию к деабстрагированию наименований обрядовых комплексов. На сохранность языкового кода свадебного обряда в целом и разграничение отдельных кодов в частности в большой степени влияют лексико-семантические трансформации в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: языковой код, свадебный обряд, болгары-мусульмане, помаки, дискурсивный анализ, этнолингвистика.

В настоящей статье представлен анализ диалектного нарратива о свадебном обряде болгароязычных мусульман, именующих себя в родопском регионе Болгарии помаки. Их традиционная культура, во многом идентичная культуре болгар-христиан, зачастую бытует в более архаичном варианте (Rodopi 1985), что объясняют конфессиональной и территориальной обособленностью, замкнутостью консервативного сообщества (VSN 1995). В XX в. помаки не без принуждения включаются в социальную жизнь всей Болгарии (Velcheva 1995; Stamenova 1995 и др.).

Свадебные обряды Родоп, бытующие у христиан и мусульман, достаточно хорошо исследованы как в комплексных монографиях (Rodopi 1985; Sobolev 2001b; Merakova 1995 и др.), так и в узкотематических статьях (Sharanska 1996 и др.). Языковой код свадебного обряда системно представлен в диалектных словарях и диалектологических атласах (Antonova-Vasileva, Mitrinov 2011; Stojchev 1965; Stojchev 1983; MDABYa 2005, Sobolev 2001a и др.), отражен в сборниках народного фольклора (Lubomirov 2007 и др.). Тем не менее, исследования отдельно взятого диалектного нарратива современными методами дискурсивного и этнолингвистического анализа одновре-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-18-01405 «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте».

менно еще не предпринималось. Такой анализ, по нашему мнению, позволит получить цельное и разностороннее представление как о самом свадебном обряде и его языковым коде, так и о речевом поведении и рефлексии носителя локальной традиции о своем языке и культуре.

Исследование имеет конечной целью установить дискурсивное позиционирование болгар-мусульман в инорелигиозном и иноязычном (инодиалектном и стандартном) окружении. Для этого языковой код свадебного обряда был нами рассмотрен с точки зрения «реконструкции»² цельности обряда и установления субъективного отношения информанта к предмету наррации. С опорой на (Danesi 2004; Sikimić 1998; Fairclough 1992 и др.) был проведен дескриптивный, компаративный, дискурсивный и этнолингвистический анализ. Материалом послужили записи диалектной речи, осуществленные в ходе полевого исследования в июле 2017 г. в г. Смолян, а именно нарратив продолжительностью 1 ч. 47 мин. информантки 85-ти лет (1932 г. рождения), жительницы квартала *Чокъска махала* (сейчас *Кантажа*). Образец речи носительницы смолянского мусульманского говора приведен в традиционной болгарской диалектологической транскрипции в приложении.

По сообщению информантки, в 1950-е гг. в брак вступали в возрасте 20-30 лет. В первую очередь устраивались смотрины, на которых представитель стороны жениха определялся с выбором девушки. При положительном исходе в дом потенциальной невесты отправляли сватов и, в случае согласия стороны невесты, сразу же оговаривали детали проведения религиозного обряда бракосочетания и переезда невесты в дом жениха. Светская регистрация брака была возможна исключительно после религиозного бракосочетания, которое происходило в доме невесты в присутствии свидетелей.

Перед переездом невесты ее руки красили хной в качестве украшения и заплетали праздничную прическу в виде мно-

---

² Представленная статья не имеет задачи сопоставить исследуемый нарратив с «идеальным» нарративом, сконструированным на основе других исследований, архивных данных, статей и монографий. Тем не менее они послужили материалом для формирования вопросника для полевой работы, проведенной летом 2017 г., целью которой было исследовать наиболее релевантные сегменты комплекса свадебного обряда и их лексическое выражение.

жества косичек. В день переезда, когда представители дома жениха приходили ее забирать, невеста получала от них подарок. При переезде невеста шла пешком, тогда как приданое везли на ослах. При входе в дом жениха невеста вновь получала подарок в виде золотых украшений, а также сама одаривала сторону жениха.

Сразу после переезда невесты всем участникам свадебного поезда раздавалось угощение, а позже вечером проводился ужин в семейном кругу, после которого молодожены отправлялись в отдельную комнату для проведения брачной ночи. Пришедших на следующий день в гости близких угощали сладостями.

В середине XX в. свадебное застолье не проводили. Вместо этого устраивали *z'oste*, что представляло собой застолье в доме родителей невесты спустя неделю после ее переезда, а еще спустя неделю – такое же застолье в доме жениха.

Методика московской этнолингвистической школы (Tolstoj, Tolstaja 1995; Plotnikova 2000 и др.) позволяет установить особенности распределения маркированного и немаркированного лексического материала по типам этнокультурных кодов с учетом типа денотата. По нашим данным, если принять разделение языкового кода на персонажный, предметный, акциональный (Uzeneva 2010) и вербальный³, то наиболее сохранным⁴ в речи нарратора оказывается персонажный (напр. *бу́лка* 'невеста', *сватов'е* 'родители молодоженов по отношению один к другому', *каинч'е* 'младший брат жены). На втором месте по степени представленности находится предметный код (напр. *спáп* 'приданое', *руба* 'приданое', *ниш'ён* 'дар в виде украшения

---

³ Под вербальным кодом подразумеваются а) названия комплексов обрядовых мероприятий, которые нельзя ограничить одним из вышеперечисленных кодов, или б) устное народное творчество, выраженное песнями, благопожеланиями, клише.

⁴ При установлении степени сохранности языкового кода мы определяем объем инвентаря словоформ (в т. ч. устойчивых словосочетаний), эксплицитно выражающих ритуально маркированный денотат. Необходимым условием является его передача одно словоформой / устойчивым выражением (для разграничения с описательными построениями). Также мы рассматриваем частотность использования ритуально маркированной словоформы в нарративе в случае параллельного использования информантом иной лексемы (отличной морфологически) или описательных.

невесте со стороны жениха’). На третьем месте находится акциональный код (напр. *қаносвам* ‘красить хной руки невесте накануне переезда’, *о́ж’ён’а се* ‘выйти замуж’, *в’ён’ч’ее* ‘провести религиозное бракосочетание’), но часто информантка прибегает к описанию посредством общеупотребительной лексики. Примеры вербального кода информантка припоминает с трудом, в основном в качестве ответа на наводящие вопросы (напр. *з’о́сти* ‘мероприятие, когда мать невесты на третий вечер после переезда невесты приглашает молодоженов к себе в дом, а потом мать жениха также приглашает родителей невесты’, *бра́:к* ‘бракосочетание’). В речи информантки сохраняли и сохраняют свою актуальность прежде всего диалектные наименования свадебных чинов, в то время как наименования предметов, по всей видимости, вслед за самими денотатами, утратили свою актуальность и релевантность для рассказчика. При этом акциональный код прямо связан с персонажным кодом (*на бра́товщици ба́шта́ ми и ма́йка ми курди́сахә по́ три́ лири* ‘невестам братьев мои отец и мать подарили по три лиры’, *бу́лкань га́ иде, се́ди е́дин ден’ пра́ва фъф киш’она* ‘невеста, когда придет, целый день стоит в углу’). Таким образом, персонажный код представляется наиболее сохранным в этнолингвистическом смысле, в то время как лексика акционального и вербального кодов представлена в наименьшей степени в силу ее частого замещения описательными конструкциями и ее привязанности к персонажному коду.

В речи информантки один общий план выражения может объединять денотаты или же, напротив, дифференцировать их на основе различия их экстралингвистических функций. Лексемы, отражающие не единичные свадебные чины, в речевом потоке обычно представлены в формах мн. ч., несмотря на существование словоформы в единственном числе (*мумаре* ‘сваты’ от *мумар*; *свид’ёт’ели* ‘свидетели при религиозном бракосочетании’ от *свид’ёт’ел*), что объясняется идентичностью выполняемых ими функций в обряде. Этим же можно объяснить наименование свекра и свекрови отдельными лексемами, когда их функции в обряде различны: *св’екърът* и *св’екървътә* – и объединение в единой лексеме (и, соответственно, единой семе) при совпадении их функций в противопоставлении иным свадебным чинам: *тва́ до́йд’е вре́м’е за спан’е́ и се разд’ели́хм’е: ста́рти си ути́даха́ на до́л’ниә е́таиш и*

ни́е на го́рниа е́таиш оста́нахмє ‘тогда пришло время ложиться спать и мы разделились: старшие ушли на нижний этаж, а мы на верхнем этаже остались’.

Анализ речи информантки позволяет установить семантические основы формирования словообразовательных парадигм и возможные причины появления лексических лакун. Например, ожидаемо наличие однокоренных слов, вовлеченных в словообразовательные процессы (*ми́ж’у* – *ми́ж’ефца* ‘жена старшего брата мужа’; *пити* ‘вид хлеба, который несет приглашенная сторона, отправляясь на *з’óсти*’ – *питáрки* ‘сумки для *пити*’). На этом фоне особый интерес вызывают случаи «нежелания» информанта сполна воспользоваться словообразовательной парадигмой, имеющейся в языке. Например, нарратор использует в живой речи элемент акционального кода *тр’éб⁶а х’óджа да а в’енч’еє* ‘сперва ходжа должен совершить религиозный обряд бракосочетания по отношению к ней <невесте>’, но избегает употреблять однокоренную лексему-элемент вербального кода *венча́вка/венчи́ло/венча́ване* ‘религиозный обряд бракосочетания’ (Merakova 1995: 48); однако при прямом вопросе информант подтверждает наличие этих слов в его идиоме.

Интерес вызывают случаи отсутствия вариативности планов выражения одной семы (например, ‘жених’ на разных этапах свадебного обряда) на фоне плюрализма выражения семы ‘невеста’:

Двами́нь свид’éт’ели, и ъд мумч’éну и ъд муми́ч’эну ‘двое свидетелей, и со стороны юноши, и со стороны девушки’;

...тр’éб⁶а да се в’енч’еє бу́лкана преди́ дъ ид’е на момч’эну ‘надо, чтобы сперва был совершен религиозный обряд бракосочетания, прежде чем невеста переедет к юноше’;

да има́ еди́н ка́т ъга ид’е нивéстана тр’ебва́ сп’ециéлно да го́ дад’е нь мумч’эно ‘чтобы было одно <полотенце>, потому что когда невеста отправится, она должна специально дать его юноше’.

Синонимические связи между лексическими единицами могут возникать непосредственно в речи под влиянием контекста. Информант может избирать лексический аналог, переходя границы собственного культурного кода. Например, лексема *свид’éт’ели* была употреблена при ответе на вопрос о

наличии на традиционной свадьбе кумовьев⁵: *свид'ѐт'елине са кумове* 'свидетели – это кумовья'. Для передачи одного и того же значения информант может использовать целый ряд лексем, которые он рассматривает как взаимозаменяемые (например, 'приданое' рассказчица называет *руба, ч'ѐиѐ* или *спан'*⁶).

Исследуемый нарратив отчетливо демонстрирует диахроническое изменение языкового кода свадебного обряда, что, возможно, отражает обобщение нового языкового кода во всех типах речи болгар-мусульман. Утрата лексем и их отделение от означаемого явления/комплекса действий прослеживается на примере лексем *годѐж/главеж* (Merakova 1995: 47) (*то им'ѐш'ѐ накакѐ*⁷ 'Что-то такое было' → *те се удумиха стар'те* 'старшие договорились'). Если обратить внимание на рефлексии информантки о собственной речи, то часто это касается деактуализации турцизмов и их замещения общеболгарскими лексемами (напр. *бобу* > *д'ѐдо* 'свекр'; *миж'у* 'брат мужа' > *ч'ич'у*⁷). Поскольку сама информантка без соответствующих вопросов-стимулов поясняет значение слова *бобу* (с семантикой 'свекр' или 'отец') посредством лексемы *баца* (с общеболгарским значением 'отец'), постольку можно сделать вывод об осознании ею своего диалекта как потенциально непонятного постороннему человеку. Осмысление информантом этого разделения лексики на «старую» и более новую вызывает особый интерес. Также ярким примером сохранения реалии при утрате лексемы является отсутствие специфичного наименования для поваров, готовящих свадебное застолье; наблюдается утрата свадебного чина (перенос акцентирования на функцию члена семьи) при сохранении персонажа: *магер* (Стойчев 1965) > *блис'ки* 'близкие'.

Наконец, можно обратить внимание на вариативность выражения одной и той же семы, деабстрагирование, обобщение денотата путем выделения его ключевого семантического элемента и случаи смещения семантических акцентов. Вместо одной (ожидаемой) лексемы в речи может использоваться

⁵ О типах ролей кумовьев у балканских славян-мусульман см.: Golo Bordo 2013: 91–93.

⁶ Тем не менее, лексема *спан'* используется реже прочих и, как мы полагаем, связана с транспортировкой приданого; также информант поясняет ее значение: *спан'ън ѐ багаш*.

⁷ В общеболгарском языке означает дядю по отцовской линии.

развернутое высказывание-толкование, как, например, в случае со словом *главеш*, которое замещается: *момаре д^бга поискат и упрдел'от вр'ем'е кога да а в'од'ат...* 'когда сваты посватаются и определяют время, когда ее <невесту> поведут <в дом жениха>', где вербальный код замещен преимущественно акциональным. Элемент акционального кода в высказывании *т'е си ѝе курдисвѣха* 'они ее одаривали украшениями' (допускается указание чем: *плат некаф за рокл'а и за ризъ дѣ ѝма и к'орпа и хавли'а; по три лири*, 'какой-то тканью, чтобы было для платья и рубахи, и платком, и полотенцем; и тремя лирами', где *лира*, со слов информантки, подразумевает золото⁸) информантка использует параллельно высказыванию *дават' ѝе койну ѝма злато* 'дают ей золото, у кого есть', где смысловым акцентом является *злато*, элемент предметного кода.

В заключение можно еще раз отметить относительную сохранность традиционного помакского свадебного обряда в 1950-х гг., хорошую сохранность языкового кода обряда на момент записи нарратива и наибольшую сохранность персонажного кода по отношению к кодам других типов. Очевидна речевая стратегия информантки, состоящая в стремлении «избавиться» от наименований, обозначающих целые ритуальные комплексы, посредством разложения последних на отдельные действия или вычленения ключевого действия (*главеш*, *венчавка*). Для помакской речи свойственны «переходы» семы из одного языкового кода в другой (см. *главеш* → *момаре д^бга поискат и упрдел'от вр'ем'е кога да а в'од'ат*; *курдисвам* → *дават' ѝе койну ѝма злато*), замещение диалектных / архаичных (часто – заимствованных из турецкого языка) лексем более новыми, часто общеболгарскими (*руба* – *чеиз*; *мижу* – *чичу*; *бобу* – *деду*), нивелирование существовавших в прошлом семантических различий (см. *руба*, *спан*, *чеиз*), несистемность в однокоренном выражении одной из составляющих семантических пар (см. *миж'у* – *миж'ефца*), зависимость морфологических характеристик от экстралингвистического контекста (*св'екърът*, *св'екървѣта* – *стартѣ*). Наконец, фиксируется восприятие говорящим своего идиома как особого диалекта, а также способность обозначать реалии посредством лексических

⁸ Аутентичное значение *лира* – золотая монета определенного номинала.

средств иновѣрного сообщества (см. *кумове – свидетели; бобу – баща*).

Приложение. Образец диалектной речи

Дойд'е е'на жена, баба Данч'ев'ица, та и котът и т'а многу пофали тѣх и и и та к'е ше може д дойда и искаѣ. ам т'а св'екърѣд дойд'е тат' та се удумиха и нѣ направихме брак. Гъ^{кк}. Коѣа година бѣше? П'етд'ес'е и тр'ета гадина ма тра: б'ѣше. Направихм'е брак п'ед'ес'е и фтора направихм'е, п'ед'ес'е и тр'ета дойдаѣ на х'ей т'у'а. Га: ѣм дойдаѣ. И г'ост'е сѣа напра'ихм'е, цвѣдба н'е прав'ехм'е за н'его и за м'ен'е. Ама там с'етн'е почнѣха свѣдбит'е многу да прав'ат. Там с'етн'е. ... Имахм'е си саба'л'е когато гук а'н'екова, а коато синос им'ѣхм'е свѣдба за нас н'е м'еше, саму г'осте. Е. Окулу п'етд'ес'е души, до сто души блискин'е хора ка поканихм'е и: нива б'ѣше. И, и почнахм'е дѣ да жив'еем'е еѣ фѣй сайа к'у'шта.

Пришла одна женщина, баба Данчевица, и она очень их похвалила, и в результате они смогут прийти ее сватать. Ну и тогда свекор пришел, и они договорились, и мы заключили брак. Какой это был год? Пятьдесят третий год, должно быть. Мы заключили брак, в пятьдесят втором заключили, в пятьдесят третьем я пришла вот сюда. Тогда я пришла. И *гостѣ* провели, свѣдбы не проводили для него и для меня. Но потом начали проводить много свѣдб. Потом. ... У нас была утром когда это, когда у нас был сын – свѣдба; у нас не было, только *гостѣ*. Ну. Около пятидесяти человек, до ста человек близких людей мы пригласили, и все. И мы начали жить вот в этом доме.

Литература

- Antonova-Vasileva L., Mitrinov G. 2011: *Rechnik na balgarskite govori v Iuzhni Rhodopi, Dramsko i Sjarsko* [The dictionary of the Bulgarian dialects in the Southern Rhodopes, Drama and Serres]. Sofia.
 Антонова-Василева Л., Митринов Г. 2011: Речник на българските говори в Южните Родопи, Драмско и Сярско. София.
- Danesi, M. 2004: *A basic course in anthropological linguistics*. Toronto.
- Fairclough, N. 1992: *Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis*. In *Discourse Society* 3 (2), 193–217.
- Golo Bordo 2013: [*Golo Bordo (Gollobordë), Albania. From the materials of a Balkan expedition of Russian Academy of Sciences and Saint Petersburg State University in 2008–2010*]. A. N. Sobolev, A. N. Novik (ed.). St. Petersburg: Nauka, München: Verlag.

- Голо Бордо 2013: *Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010.* Под ред. А. Н. Соболева, А. А. Новика. Санкт-Петербург: Наука, Мюнхен: Verlag Otto Sagner.
- Ljubomirov, S. 2007: *Dimanovo. Razbudenata pamet [Dimanovo. The awoken member]*. Smoljan.
- Любомиров С. 2007: *Диманово. Разбудената памет.* Смолян.
- Merakova E. 1995: *Onomasiologichna i semaseologichna haracteristica na svatbenija obred v Srednite Rodopi [Onomasiological and semasiological characteristic of the wedding ceremony in the Middle Rhodope]*. Plovdiv.
- Меракова, Е. 1995: *Ономасиологична и семасиологична характеристика на сватбения обред в Средните Родопи.* Пловдив.
- MDABYа 2005: [*The minor atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. I. The lexics of the spiritual culture*]. A. N. Sobolev (ed.). München: Biblion Verlag, 2005.
- МДАБЯ 2005: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том I. Лексика духовной культуры.* Под ред. А. Н. Соболева. Мюнхен: Biblion Verlag.
- Plotnikova, A. A. 2000: *Slovari i narodnaja cultura. Oчерki slavjanskoj lexicografii [The dictionaries and the folk culture. The essays of the Slavonic lexicography]*. Moskow.
- Плотникова, А. А. 2000: *Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии.* М.
- Rodopi 1985: [*The Rhodopes. The traditional folk culture and socionormative culture*]. R. Popov, S. Grebenarova (eds.). Sofia: BAN, 1985.
- Родопи. *Традиционна народна духовна и социалнонормативна культура.* Под ред. Попова Р., Гребенаровой С. София, БАН.
- Sharanska, F. 1996: [Bulgarian-Muslim marriage in Jacoruda region]. In *Balgarska etnologija [Bulgarian ethnology]* 4, 88–101.
- Шаранска Ф. 1996: *Българомохамеданската сватба в Якорудско.* В сб. *Българска етнология* 4, 88–101.
- Sikimich, B. 1998: [Young untaught]. In: *Kodovi slovenskih cultura [The Slavonic culture codes]* 3, 163–185.
- Сикимић, Б. 1998: *Неука млада.* В сб. *Кодови словенских култура*, 3, 163–185.
- Sobolev, A. N. 2001a: [The Balcan Lexics in the areal and areal-typological analisys]. *Voprosy yazykoznanija [Linguistics Problems]* 2, 59–93.
- Соболев, А. Н. 2001: *Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении.* *Вопросы языкознания* 2, 59–93.
- Sobolev, A. N. 2001b: *Balgarskij shirokolakskij govor. Sintaksis, lecsica duhovnoj culture, teksty [The Bulgarian dialect of Shiroca Laca. Sintaxis, lexics of the spiritual culrute, texts]*. Marburg.
- Соболев А. Н. 2001: *Болгарский широколыкский говор. Синтаксис, лексика духовной культуры, тексты.* Марбург.
- Stamenova, Zh. 1995: *Etnosocialni aspekti na bita v iztochnite Rodopi prez 70-80 godini [Etnosocial aspects of the everyday life in the Southern Rhodopes in 70th-80th]*. Pernic.

- Стаменова Ж. 1995: *Етносоциални аспекти на бита в източните Родопи през 70–80 години*. Перник.
- Stojchev, T. 1965: *Rodopski rechnik [Rhodope dictionary]*. Vol. 2, Sofia.
- Стойчев Т. 1965: *Родопски речник*. Т. 2, София.
- Stojchev, T. 1983: *Rodopski rechnik [the Rhodope dictionary]* Vol. 5, Sofia.
- Стойчев Т. 1983: *Родопски речник* Т. 5, София.
- Tolstoy, N. I., Tolstaja S. M. 1995: [Introduction]. In: *Slavjanske drevnosti [The slavic antiquity]*. Moscow, 5–14.
- Толстой Н. И., Толстая С. М. 1995: Введение. В сб.: *Славянские древности*. Москва, 5–14.
- Uzeneva, E. S. 2010: *Bolgarskaja svadjba: etnolingvističeskoe issledovanie [Bulgarian wedding: ethnolinguistic research]*. Moscow.
- Узенева, Е. С. 2010: *Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование*. Москва.
- Velcheva, N. 1995: [The ethnic processes in the Rhodopes]. In: *Balgarska etnologia [Bulgarian ethnology]* 21/2, 3–16.
- Велчева, Н. 1995: Этнические процессы в Родопите. In: *Българска етнология* 21/2, 3–16.
- VSN 1995: [The links of compatibility and incompatibility between Christians and Muslims in Bulgaria]. A. Želiazkova (ed.). Sofia: Mezhdunarodni centyr, 1995.
- Връзки на съвместимост и несъвместимост между християни и мюсюлмани в България*. Под ред. А. Желязковой. София: Международни център.

D. D. Balashevich. Discursive analysis of vocabulary in the Pomak dialect narrative on the wedding rite

The linguistic code of the wedding rite of the Pomaks (Muslim speakers of Bulgarian in the Rhodope Mountains), as reflected in the speech behavior of our informants, is marked by specific morpho-semantic paradigms, leading role of character code, and tendency to refer to the whole rites in precise terms. In the diachronic perspective, lexico-semantic transformations contribute to the preservation of the linguistic code of the wedding rite, along with the code boundaries.

Key words: language code, wedding rite, Muslim Bulgarians, Pomaks, discursive analysis, ethnolinguistics.